

Эта пьеса Брехта долго была у нас известна под не совсем точным названием «Что тот солдат, что этот». Брехтовское название «Mann ist Mann»; пьеса заново переведена М. Рудинским — спектакль Театра имени Моссовета называется «Человек как человек».

Речь в ней идет о маленьком человеке, который не умеет сказать «нет». О том маленьком человеке, который был героем классической русской литературы, причем почти всегда — героем страдательным, героем-жертвой; лишь иногда Гоголь и Достоевский показывали кусочек перспективы, в которой он может стать и палачом. Брехт к маленькому человеку относился жестче — время было другое, яснее стало, каким опасным может быть человек, не умеющий сказать «нет». Брехт чувствовал меру этой опасности, предвидел время, когда маленьких людей оденут в мундиры, построит в колонны и отправят завоевывать «жизненное пространство».

Дело в том, что его Гэли Гэй изо всех сил старается не выглядеть маленьким человеком. Он пыжится, изображает из себя вполне солидного господина — и именно на это, как на приманку, его ловят солдаты, которым нужен четвертый человек вместо пропавшего товарища Джерайя Джипа. Они говорят Гэли

Гэю: такой человек, как вы все понимает вас на кривой не объедешь, льстят ему — и этого оказывается достаточно чтобы заставить его сделать все, что им нужно Брехт понимает, что маленького человека легко околпачить, и средства для этого требуются самые примитивные — ложь, повторенная тысячу раз, ста-

Зарубежная классика

„... Не смотреть, но видеть“

новятся правдой. Этого геббельсовского рецепта еще не было, когда писалась пьеса, Брехт предугадал его.

Но Гэли Гэй при всем том наивен — В. Сторожик отлично передает эту наивность, внося в аскетически-рациональные брехтовские построения нотку пронзительной человечности. Почти единственную нотку в спектакле, ибо весь его мир — это мир механический, античеловечный, приспособленный для убийства. Мир этот по-брехтовски острен через легкий оттенок «ретро» — действие пьесы происходит в 20-е годы, и именно к этому времени относятся большие репродукторы, раструбы которых глядят на нас с железных ферм, напоминающих о конструктивизме,

из этого времени звучит музыка, джаз 20-х годов. Остранение придает истории, которую рассказывает театр, черты всеобщности — так было и так будет в этом мире со всяким маленьким человеком, который не может сказать «нет».

Эта простая мысль доказывается в пьесе и спектакле очень сложным образом — через разыгрываемую солдатами интермедию о слоненке, который обвиняется в убийстве собственной матери, хотя она стоит тут же, рядом; через продуманную механику превращения Гэли Гэя в Джерайя Джипа. Каждый этап превращения играет как эстрадный номер — отдельно, чтобы все было понятно. И после минного расстрела он

воскресает уже Джерайя Джипом — солдатом, убийцей. В спектакле раскрыта сама, если можно так сказать, технология превращения маленького человека в убийцу — причем самому превращаемому все время кажется, что все делается для его же блага. И в то же время весь этот дьявольский механизм полностью открыт зрителю спектакля. «А вы учитеесь не смотреть, но видеть...» — писал Брехт в одной из своих пьес: вот в этом спектакле театр делает все, чтобы зритель мог видеть.

Три года назад на Малой сцене Театра имени Моссовета показывала свои спектакли Экспериментальная студия театральной молодежи из Ташкента, возглавляемая молодым режиссером Марком Вайлем. Спектакли имели успех у театральной общественности, и результатом явилось приглашение Вайля в Театр имени Моссовета для постановки спектакля «Премьера» Л. Росебы, а теперь и пьесы Брехта. Пока судьба его складывается счастливо...

Ю. СМЕЛКОВ

Июль 2015, 1985, 29 июля